

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ МИГРАЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹

Леонов А.С.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23)*

andrei_leonov@yahoo.fr

В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав человека, возникающие в процессе применения отдельных инструментов миграционного регулирования Европейским Союзом (ЕС). С конца 1990-х годов ЕС развивает комплекс мер, направленных на противодействие нежелательной миграции, смещая часть ответственности на третьи страны. В итоге под угрозой нарушения оказывается целый ряд основных прав, закреплённых в фундаментальных договорах о правах человека, таких как Европейская конвенция о правах человека (ЕКПЧ) и протоколы к ней. В данной работе анализируется практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по экстерриториальному применению положений о правах человека в контексте применения инструментов миграционного регулирования ЕС. Отмечается, что несмотря на то, что существующие инструменты по регулированию вынужденной миграции в ЕС могут быть формально ограничены требованием обеспечения прав человека, на практике они используются для ограничения потока претендентов на убежище, и не направлены на обеспечение их фундаментальных прав.

Ключевые слова: миграционная политика ЕС, права человека, секьюритизация миграции, экстернализация миграционного регулирования, реадмиссия, средиземноморский путь миграции.

Введение

Многokратное увеличение миграционных потоков в направлении ЕС, начавшееся в 2014 году, привело к выработке новых ответных мер, направленных, прежде всего, на недопущение так называемых «нелегальных» мигрантов на территорию ЕС, а также на возвращение мигрантов, незаконно пребывающих в ЕС, через развитие сотрудничества ЕС со странами миграционного транзита². Многотысячные случаи гибели людей в процессе

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Модуль Жана Монне «Европейский Союз как глобальный актор в области прав человека» (проект № 565369-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE).

² Стоит отметить, что ряд таких мер уже были реализованы в сфере миграционной политики ЕС ранее [1].

перемещения из стран происхождения или транзита в направлении внешних границ ЕС актуализируют проблему обеспечения основных прав мигрантов. Можно ли говорить о балансе интересов ЕС по обеспечению безопасности своих внешних границ от «нелегальных» мигрантов, с одной стороны, и защиты прав мигрантов, с другой?

Усиление риторики секьюритизации миграции³ на фоне не вполне эффективных нормативных инструментов ЕС в рамках Общей европейской системы предоставления убежища (ОЕСПУ), проявления проблемы солидарности в отношениях между государствами-членами ЕС в подходе к вынужденной миграции⁴ оставляют вопросы обеспечения прав мигрантов без должного внимания. Как отмечается в материалах Специального докладчика ООН по правам мигрантов Франсуа Крепо, «неэффективность и парадоксальность политики ЕС по управлению границами, а также отсутствие последовательного и ясного правозащитного подхода к миграции» стали причиной гибели тысяч мигрантов в Средиземном море⁵.

В данной статье анализируются основные трудности, связанные с обеспечением прав человека в отношении вынужденных мигрантов при реализации мер миграционной политики ЕС, их причины и возможные способы их преодоления.

Контекст и масштаб проблемы

В мировом масштабе количество вынужденных мигрантов, с которыми приходится иметь дело ЕС, до конца 2014 года было относительно невелико. Для сравнения первые места среди принимающих государств занимали Турция, Пакистан, Ливан с более чем миллионными потоками вынужденных мигрантов за год, а также Иран, Эфиопия и Иордания с количеством принимаемых вынужденных мигрантов ниже миллионного порога⁶. Такая ситуация сохранялась до 2015 года (в 2014 году ЕС принял порядка 252 000 вынужденных мигрантов), когда число вынужденных мигрантов резко превысило миллионный показатель (1 015 078 человек по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ)⁷). Отметим, что эта цифра отражает лишь общее число вынужденных мигрантов, прибывших в ЕС морским путем, и она относительно

³ Подробнее по этому вопросу см. работы Д. Биго [2], Т. Бальзака [3], С. Леонард [3, 4], Я. Рузики [3], Дж. Хэйсмана [5], Ф. Бурбо [6].

⁴ Подробнее по этому вопросу см. работы И. Голднер Ланг [7], Е. Цурди [8], Ф. де Брукер [8], Е. Карагеоргиу [9].

⁵ Report of the Special Rapporteur on the human rights of migrants, François Crépeau (A/HRC/29/36), p.4. Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Migration/SRMigrants/Pages/AnnualReports.aspx> (дата обращения: 10.12.2016).

⁶ “Global Trends: Forced Displacement in 2014”, UNHCR. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/556725e69.html> (дата обращения 10.12.2016).

⁷ Refugees/Migrants Response – Mediterranean, UNHCR. Режим доступа: <http://data.unhcr.org/mediterranean/regional.php> (дата обращения 23.12.2016)

небольшая, если учесть, что речь идет о ЕС (28 стран), а не об одной стране как, например, в случае с миллионными потоками в Турцию или в небольшой по территории и населению Ливан.

Протяженность внешних морских границ свободной для внутреннего перемещения Шенгенской зоны, охватывающей 26 стран, включая четыре государства, не входящие в Европейский союз, составляет 42 673 км, а сухопутных границ – 7 721 км⁸. На протяжении последних трех лет именно Средиземноморский путь, является основным и одним из наиболее опасных путей миграции в ЕС: центральный и восточный средиземноморский маршруты используются мигрантами, перемещающимися через Египет и Ливию, западный средиземноморский маршрут соединяет ЕС с Марокко и Тунисом. С 2013 года наиболее используемым маршрутом стал центральный средиземноморский маршрут: в 2013 году им воспользовались более 44 000 мигрантов, в то время как восточным средиземноморским путем воспользовались чуть более 9 000 человек. Динамика 2015 года показала значительный рост числа мигрантов, использующих центральный маршрут (свыше 177 000 человек), при этом констатировался и рост количества мигрантов, воспользовавшихся восточным маршрутом (более 34 000 человек). Начиная с 2015 года, картина перевернулась: поток беженцев на восточном средиземноморском направлении увеличился в разы (около 847 000), а центральный маршрут стал чуть менее популярен (около 154 000)⁹. Тенденция с преобладающим числом мигрантов, использующих восточный маршрут, сохранилась и в 2016 году¹⁰.

В 2016 году общее число мигрантов, прибывших в ЕС морским путем значительно снизилось. По данным УВКБ, их количество составляет порядка 362 753 человек, при этом январь и февраль 2016 года были отмечены максимальными цифрами (например, в ноябре 2016 всего 15 572¹¹). По данным на август 2017 года число мигрантов, прибывших в ЕС морским путем составило 121 735 человек, при этом максимальное количество мигрантов за текущий год было зафиксировано в июне и составило 27 899 человек, что меньше максимальных показателей 2016 года¹². Таким образом, из статистических данных УВКБ следует, что общее число прибывающих в ЕС постепенно снижается, а максимальный показатель прибывших на территорию ЕС в текущем году более чем в восемь раз ниже аналогичного показателя в 2015 году.

⁸ «Ужесточение миграционной политики Европейского союза загоняет нелегальных мигрантов в глубокое подполье», центр новостей ООН. Режим доступа:

(http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=19637#.WIqghESg_IU) (дата обращения 27.01.2017).

⁹ Режим доступа: <http://www.migrationpolicycentre.eu/migrant-crisis/> (дата обращения 23.12.2016).

¹⁰ Там же.

¹¹ Режим доступа: <http://data.unhcr.org/mediterranean/regional.php> (дата обращения 23.12.2016).

¹² Режим доступа: <http://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean> (дата обращения 23.08.2017).

Средиземноморский путь миграции в ЕС отличается не только самым большим числом мигрантов, но также и максимально высокой степенью опасности: в результате его использования по различным причинам погибает большое число мигрантов, пытающихся добраться до южных границ ЕС. Так в 2014 году число погибших и пропавших без вести в Средиземном море составило 3 500 человек, в 2015 – 3 771, в 2016 – 4 899¹³. Для сравнения в 2012-2013 годах это число варьировалось от 500 до 600 человек.

В гендерном отношении более двух третей мигрантов (69 %) составляют мужчины, 18 % - женщины. Количество детей, составляющее в среднем 13 % от общего числа мигрантов, в 2016 году резко возросло до 26 %, при этом снизился процент мужчин, а количество женщин осталось практически неизменным (17%). Таким образом наблюдается процентный рост наиболее уязвимых категорий мигрантов, требующих особой защиты, в том числе как потенциальных жертв торговли людьми [10].

Явление миграции с использованием морских маршрутов затрагивает несколько международно-правовых проблем: распределение ответственности за защиту мигрантов; распределение обязательств по обеспечению прав мигрантов и, главным образом, права на жизнь; определение контрольной юрисдикции государства в водном пространстве, являющейся инструментом его иммиграционной политики [11]. В итоге, возникает вопрос о взаимосвязи суверенных прав государства и обязательств по обеспечению прав человека, которые включают в себя и права мигрантов [12].

Юрисдикция и экстерриториальное применение норм о правах человека

По оценке специалистов, система управления внешними границами ЕС не выдерживает масштаба вынужденной миграции в ЕС. Многотысячные случаи гибели людей и масштабные нарушения основных прав человека, которые имеют место при попытках пересечения Средиземного моря, говорят о том, что Европейский Союз на данном этапе не способен эффективно контролировать миграцию¹⁴.

Следует отметить, что права мигрантов могут становиться объектом нарушений на различных этапах миграционного процесса начиная с перемещения из государства происхождения и нахождения на территории транзитных государств, заканчивая пребыванием на территории ЕС. При этом далеко не во всех случаях речь может идти об ответственности ЕС или государств-членов ЕС за такие нарушения. Например, согласно

¹³ Там же.

¹⁴ Report of the Special Rapporteur on the human rights of migrants, François Crépeau (A/HRC/29/36). Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Migration/SRMigrants/Pages/AnnualReports.aspx> (дата обращения 23.12.2016).

отчётам Специального докладчика ООН по правам мигрантов, а также материалам УВКБ¹⁵, условия содержания во временных лагерях беженцев, организованных в таких транзитных странах как Тунис или Марокко, либо условия в местах содержания задержанных мигрантов в этих странах, сопряжены с большим объемом нарушений прав человека от права на жизнь и запрета бесчеловечного обращения до социальных прав, в частности, доступа к медицинской помощи. При этом, лишь в редких случаях такие нарушения могут быть отнесены к зоне ответственности ЕС или государств-членов.

В то же время, случаи задержания лодок с мигрантами и возвращения их обратно властями государств-членов ЕС, действующих от своего имени или имеющих мандат ЕС (FRONTEX), могут служить фактическим основанием для ответственности этих государств или ЕС за совершенные в ходе этих операций нарушения прав человека. При этом не важно, состоялось ли такое задержание в территориальных водах государства-члена ЕС, третьего государства или в нейтральных водах: практика ЕСПЧ ясно указывает на экстратерриториальное действие ЕКПЧ¹⁶.

Понятие юрисдикции государства, изначально толкуемое как территориальное¹⁷, с годами получило широкое толкование в практике ЕСПЧ: государство осуществляет свою юрисдикцию в случае установления эффективного контроля над территорией или индивидами¹⁸. Применительно к нарушениям прав мигрантов, ЕСПЧ выразил свою позицию по вопросу юрисдикции в деле *"Хирси Джамаа и другие против Италии"*¹⁹, где отметил, что в период между поднятием на борт судна итальянских вооруженных сил и передачей ливийским властям «заявители (мигранты) находились под продолжительным и исключительным de jure и de facto контролем итальянских властей», что, в сущности, соответствует правилу юрисдикции государства флага, закрепленному в ст. 92 Конвенции по морскому праву.

В другом деле ЕСПЧ указал, что в случае повреждения и затопления лодки с мигрантами итальянским судном за пределами территориального моря Италии заявители также находятся под юрисдикцией Италии²⁰. Следуя логике ЕСПЧ необходимо отметить, что при задержании и эскортировании лодки с мигрантами (в какой бы части акватории это ни произошло) до берега государства происхождения или транзита также устанавливается

¹⁵ UNHCR, 'UNHCR works to ease dire conditions in Libya's immigration detention centres', Briefing Note, 28 April 2015. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/afr/news/briefing/2015/4/553f65519/unhcr-works-ease-dire-conditions-libyas-immigration-detention-centres.html> (дата обращения 20.10.2017).

¹⁶ Al Skeini v United Kingdom (2001) 53 EHRR 18, paras 133-137 (Stage agent authority and control), paras 138-140 (effective control over an area).

¹⁷ Banković and others v Belgium and others (2001) ECHR 890, paras 59-61.

¹⁸ Al Skeini v United Kingdom (2001)

¹⁹ Hirsi Jamaa and Others v. Italy (23.02.2012), ECHR, [GC], no. 27765/09, para. 71.

²⁰ Xhavara and others v Italy and Albania no 39473/98 (admissibility decision, 11 January 2001).

юрисдикция государства, осуществляющего такое эскортирование, несмотря на то, что никто из мигрантов не поднимался на его судно. Важно отметить, что это касается лишь практики ЕСПЧ и применения ЕКПЧ как одного из возможных правовых механизмов защиты в области прав человека.

Существуют более сложные ситуации, в которых определение юрисдикции может представляться проблематичным. В частности, одним из факторов риска в отношении прав мигрантов, пытающихся добраться до ЕС морским путем, является сама специфика средиземноморского маршрута. Опасность этого пути во многом обусловлена отсутствием или сокращением регламентированных законных способов перемещения мигрантов на территорию ЕС, что, в свою очередь, связано с политикой ЕС по ужесточению пограничного контроля и иными мерами, направленными на недопущение мигрантов до своих внешних границ. Возникает вопрос, может ли идти речь об ответственности ЕС или государств-членов за гибель людей в открытом море, если она не связана с каким-либо вмешательством со стороны береговой пограничной охраны ЕС или иными мероприятиями по перехвату и возвращению мигрантов? Другими словами, имеется ли причинно-следственная связь между *de facto* сокращением со стороны ЕС возможностей для мигрантов попасть на его территорию и их гибелью в открытом море при попытке добраться до границ ЕС?

Обращаясь к логике ЕСПЧ, Томас Спейкербур утверждает, что к такой ситуации вполне применима концепция позитивных обязательств государств-членов ЕКПЧ [13]. Ссылаясь на дело Осман против Франции²¹ и аналогичные прецеденты, он делает вывод о том, что и в случаях с контролем границ обязательства государства принимать все необходимые шаги для спасения жизни людей не обусловлены причинной связью между конкретными деяниями государства и гибелью людей. Обязательства возникают по факту того, что государство владеет информацией о наличии угрозы для жизни людей и располагает возможностью этот риск предотвратить. По мнению Спейкербура, утверждение о том, что ужесточение пограничного контроля способствует увеличению численности жертв среди мигрантов, пытающихся использовать незаконные пути перемещения, вполне оправдано. По крайней мере, большой процент жертв являются предсказуемым следствием такой политики.

Хотя Спейкербур в своей статье анализирует ситуацию до 2006 года, пытаясь обосновать возможность и необходимость применения понятия позитивных обязательств к действиям пограничных служб государств-членов ЕС, направленных на обеспечение

²¹ Osman v. United Kingdom, ECHR, [GC], Application no. 23452/94.

безопасности мигрантов на море, эта позиция еще более актуальна в сегодняшнем контексте с увеличившимися в разы потоками мигрантов и случаями их гибели на море.

Экстернализация миграционного регулирования в ЕС

Серьезным вызовом для ЕС как глобального актора в области прав человека стал феномен экстернализации миграционного регулирования, получивший в последние годы особое развитие. Для его обозначения используются различные термины: кроме «экстернализации» и «удаленного контроля» такая практика может именоваться «оффшорингом», «экстерриториальностью», «аутсорсингом», «буферизацией»²². Определить экстернализацию миграционного регулирования ЕС можно как смещение миграционного контроля за пределы внешних границ ЕС путем изменения территориальной составляющей контроля, его механизма или субъекта ответственности (государства или негосударственного актора), отвечающего за безопасность иммиграционного режима [14, 15]. Несмотря на значительное разнообразие инструментов удаленного миграционного контроля, которые ЕС использует в своей практике, далеко не все из них в равной мере сопряжены с проблемой нарушения прав мигрантов. Рассмотрим несколько примеров.

Соглашения о реадмиссии и процедуры по их имплементации, как показывает практика, могут становиться зоной особого внимания в правозащитной тематике. Соглашения о реадмиссии являются одним из инструментов контроля в отношении просителей убежища, которым было отказано в его предоставлении, и, в целом, в отношении мигрантов, находящихся на территории государства без законных оснований. Одновременно такие соглашения призваны играть демотивирующую функцию в отношении потенциальных заявителей на статус беженца²³.

Соглашения о реадмиссии с третьим государством заключаются ЕС на основании ст. 79 (3) Договора о функционировании ЕС (ДФЕС). Необходимость их заключения также отражена в п. 7 преамбулы и ст. 3(3) Директивы «о возвращении» 2008 года²⁴. Ранее такие

²² Соответствующие англоязычные термины: «offshoring», «extraterritoriality», «outsourcing», «buffering».

²³ Похожая мысль была высказана Советом ЕС по юстиции и внутренним делам, который призвал Европейскую Комиссию ускорить процесс заключения соглашений о реадмиссии с третьими странами, поскольку «повышение числа возвращенных (реадмиссированных) мигрантов могло бы сыграть роль сдерживающего фактора в борьбе с нерегулируемой миграцией» (Council of the European Union, 'Council conclusions on the future of the return policy', 8 October 2015. Режим доступа:

<http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/10/08-jha-return-policy/>, paras 11 and 5. (дата обращения 23.12.2016). Однако, нужно заметить, что в данном случае речь идет о соглашениях о реадмиссии между ЕС и третьими странами, а не о двусторонних соглашениях.

²⁴ Полное наименование директивы: «Об общих стандартах и процедурах, подлежащих применению в государствах-членах для возврата незаконно пребывающих граждан третьих стран» / Directive 2008/115/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2008 on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals, OJ L 348/98, 24.12.2008.

соглашения могли заключаться государством-членом ЕС и третьей страной (как, например, Соглашение о реадмиссии между Италией и Марокко 1998 г., Соглашение о реадмиссии между Францией и Алжиром 2003 г.). Кроме этого существует практика включения положений о реадмиссии в соглашения, не имеющие непосредственного отношения к регулированию миграции, которые заключаются между странами происхождения и приема мигрантов [16, 17]. На сегодняшний день ЕС имеет соглашения о реадмиссии с 17 государствами²⁵.

Несмотря на то, что законодательство ЕС запрещает практику выдворения в соответствии с принципом 'non-refoulement', подобные операции многократно осуществлялись государствами-членами ЕС в рамках двусторонних соглашений о реадмиссии, что не раз приводило к серьезным нарушениям прав человека, подтвержденным практикой ЕСПЧ. Одним из наиболее ярких примеров является дело *"Хирси Джамаа и другие против Италии"*²⁶. Рассмотрев эту жалобу, большая палата ЕСПЧ пришла к выводу о том, что в ходе этой операции Италия нарушила статьи 3 и 13 ЕКПЧ и статью 4 Протокола 4, а именно запрет бесчеловечного обращения, право на справедливое средство правовой защиты и запрет коллективной высылки иностранцев. Это постановление ЕСПЧ четко показывает, что подобная практика задержания мигрантов, не позволяющая им воспользоваться шансом подачи ходатайства о предоставлении убежища, либо не дающая возможности обжаловать решение об их возвращении до того, как он будет исполнено, нарушает ЕКПЧ. Таким образом, практика ЕСПЧ свидетельствует о проблеме нарушения прав человека в процессе реализации двусторонних соглашений о реадмиссии.

Как уже отмечалось, кроме двусторонних соглашений о реадмиссии, участником которых являются страны-члены ЕС, существуют соглашения о реадмиссии, заключаемые самим ЕС. Такие соглашения также содержат в себе источник проблем в том, что касается прав человека. *Во-первых*, всегда есть риск того, что принимающее государство не способно обеспечить права конкретного мигранта. *Во-вторых*, в случае реадмиссии гражданина третьего государства (не гражданина государства-стороны соглашения), когда принимающая сторона является страной транзита мигранта, он может быть передан в дальнейшем этой третьей стороне, которая в свою очередь может быть никак не связана обязательствами в сфере прав человека в рамках данного соглашения о реадмиссии. Более того, это государство может вообще не иметь международно-правовых обязательств в области прав человека.

²⁵ Полный список стран см.: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/irregular-migration-return-policy/return-readmission_en (дата обращения 26.12.2016).

²⁶ *Hirsi Jamaa and Others v. Italy* (23.02.2012), ECHR, [GC], no. 27765/09.

В рамках соглашений о реадмиссии создаются центры временного содержания лиц, подлежащих реадмиссии. Фактически они представляют собой изоляторы временного содержания, где мигрант ограничивается в свободе несмотря на то, что он не является преступником и не подозревается в совершении уголовного преступления [18, 19]. Существует мнение, что создание таких центров в третьих странах в целях реализации соглашений о реадмиссии является заимствованием худших практик ЕС, усугубляющих правозащитный контекст в области миграции. Такая позиция высказывалась, в частности, в отношении российского опыта создания таких центров в рамках реализации Соглашения о реадмиссии между РФ и ЕС²⁷ [18]. Очевидно, что подобная практика не способствует утверждению ЕС в качестве глобального актора в сфере прав человека.

Выводы

Несмотря на наличие разнообразных международно-правовых механизмов защиты прав человека, которые могут быть применены к вынужденным мигрантам, стремящимся найти убежище в ЕС (принцип non-refoulement, закрепленный в статье 33 Женевской конвенции «О статусе беженцев» 1951 года, закрепление права на жизнь, запрета пыток, коллективной высылки в ЕКПЧ и Хартии основных прав ЕС, экстерриториальное применение норм о правах человека и т.д.), их права зачастую оказываются под угрозой нарушения. Одной из причин этого является отсутствие безопасных путей вынужденной миграции из зон гуманитарных катастроф. В частности, неизбежность использования средиземноморского маршрута неоднократно приводила к широкомасштабным нарушениям прав мигрантов на жизнь.

Операции по спасению мигрантов в Средиземном море, проводимые как отдельными государствами, так и под эгидой бывшего агентства FRONTEX (теперь EBCG), были зачастую сопряжены с нарушением прав мигрантов, гарантированных международными договорами. Несмотря на то, что формальные положения, касающиеся обеспечения прав человека, закреплены почти во всех инструментах ЕС по охране морских границ и по сотрудничеству с третьими странами (соглашения о реадмиссии), их имплементация и мониторинг применения остаются под вопросом. Отдельной проблемой является самоцелеполагание в рамках развития инструментов миграционного регулирования ЕС, при котором приоритетом выступает защита внешних границ от «нелегальных» мигрантов и

²⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии (2006). Режим доступа: https://russiaeu.ru/userfiles/file/agreement_on_readmission_2006_russian.pdf (дата обращения 23.12.2016).

возвращение «нелегальных» мигрантов с территории ЕС, а не создание эффективных механизмов защиты их прав.

Литература

1. Корнеев О.В. Формирование внешнеполитического измерения иммиграционной политики Европейского Союза (1992-2007 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук. Томск, 2009. – 251 с.
2. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // *Alternatives* 27 (2) Special Issue. – 2002. – Pp. 63-92.
3. Balzacq T., Léonard S., Ruzicka J. Securitization' revisited: theory and cases // *International Relations*. – Vol 30, Issue 4. – 2015. – Pp. 494-531.
4. Léonard S. EU Border Security and Migration into the European Union: FRONTEX and Securitization through Practices' // *European Security*. – 19(2). – 2010. – Pp. 231-254.
5. Huysmans J. The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU. – New International Relations Series. – London: Routledge. – 2006. – 191 p.
6. Bourbeau Ph. Migration, Resilience and Security: Responses to New Inflows of Asylum Seekers and Migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – Vol. 41, Iss. 12. – 2015.
7. Goldner Lang I. Is There Solidarity on Asylum and Migration in the EU? // *Croatian Yearbook of European Law and Policy*. – Vol 9. – 2013.
8. Tsourdi E., de Bruycker Ph. EU Asylum Policy : In Search of Solidarity and Access to Protection. – Policy brief. – Migration Policy Centre, EUI. – 2015.
9. Karageorgiou E. Solidarity and sharing in the Common European Asylum System: the case of Syrian refugees // *European Politics and Society*. – Volume 17. – 2016. – Pp. 196-214.
10. Корнеев О.В., Леонов А.С. Инструменты влияния Европейского Союза в сфере противодействия торговле людьми на постсоветском пространстве // *Вестник Томского государственного университета. История*. № 6 (32). – С. 12-16.
11. Heijer M. den Europe and Extraterritorial Asylum. – Hart Publishing. – Oxford and Portland, Oregon. – 2012. – xx + 321pp.
12. Леонов А.С. Государственный суверенитет и права человека: проблема совместимости и взаимного влияния (теоретико-прикладной аспект) // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – Н. Новгород, 2013. – № 21. – С. 216-219.

13. Spijkerboer T. The Human Costs of Border Control //European Journal of Migration and Law. – Volume 9, Issue 1. – 2007. – Pp. 127 – 139.
14. Korneev O. Deeper and Wider than a Common Space: European Union-Russia Cooperation on Migration Management //European Foreign Affairs Review. Volume 17. – No. 4. – 2012. – Pp. 605-624.
15. Korneev O., Leonov A. Eurasia and Externalities of Migration Control: Spillover Dynamics of EU-Russia Cooperation on Migration / Zaiotti, R. (ed.) Externalizing Migration Management: Europe, North America and the Spread of ‘Remote Control’ Practices. – London: Routledge. – 2016. Pp. 154-175.
16. Zaiotti R. Mapping Remote Control: the Externalization of Migration Management in the 21st Century, in Zaiotti, R. Externalizing Migration Management: Europe, North America and the Spread of ‘Remote Control’ Practices. – Routledge. – 2016. – Pp. 3-30.
17. Кажеева О.С. Сотрудничество Европейского Союза и стран Африки в области реадмиссии // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – №2. – С. 357-367.
18. Korneev O. Exchanging Knowledge, Enhancing Capacities, Developing Mechanisms: the Role of IOM in the Implementation of the EU-Russia Readmission Agreement //Journal of Ethnic and Migration Studies. – Vol. 40. Issue 6. – 2014. – P. 888-904.
19. Valluy J. L’Europe des Camps: La Mise à l’Écart des Étrangers //Cultures & Conflits. – No. 57. – 2005. – Pp. 5-11.

Сведения об авторе:

Леонов Андрей Сергеевич, старший преподаватель кафедры европейского и международного права, руководитель Модуля Жана Монне (2015-2018) и Проекта Жана Монне (2016-2018), юридический факультет, ННГУ им. Н.И. Лобачевского (603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).

Контактная информация: andrei_leonov@yahoo.fr

**SECURING HUMAN RIGHTS IN EUROPEAN UNION
MIGRATION MANAGEMENT**

Andrey Leonov

Lobachevsky University of Nizhny Novgorod
(603950, Nizhny Novgorod, prospect Gagarina, 23)

andrei_leonov@yahoo.fr

Abstract. This article examines issues of human rights protection arising due to the use of specific migration management instruments by the European Union (EU). Since the late 1990s, the EU has been developing a set of measures to counter irregular migration, shifting the responsibility to third countries. As a result, a number of fundamental rights enshrined in fundamental human rights treaties, such as the European Convention on Human Rights (ECoHR) and the protocols thereto, come under threat. This paper analyzes case law of the European Court of Human Rights (ECtHR) on the extraterritorial application of human rights provisions in the context of the application of EU migration management tools. The paper concludes that although existing instruments for managing forced migration to the EU formally include human rights safeguards, in practice their goal is to protect the EU borders from growing flows of asylum seekers rather than securing their fundamental rights.

Keywords: EU migration policy, human rights, securitization of migration, externalization of migration management, readmission, Mediterranean migration routes.

Information about the author:

Andrey Leonov, Assistant Professor, Academic Coordinator of Jean Monnet Module (2015-2018) and Jean Monnet Project (2016-2018), Department of European and International Law, Faculty of Law, Lobachevsky University of Nizhny Novgorod (603950, Nizhny Novgorod, prospect Gagarina, 23).

E-mail : andrei_leonov@yahoo.fr